

Максимы Древнего Рима как основа режима правовой определенности современного гражданского процесса

И. В. Рехтина¹, Е. И. Тимофеев²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²evg.igor.timofeev@gmail.com

В статье рассматриваются базовые положения, формирующие основу (скелет) гражданского судопроизводства и его правовых режимов, которые в различной степени отражают правовую определенность гражданского процесса. Авторы раскрывают признаки режима правовой определенности, средствами которого, помимо норм права, могут являться положения, заключенные в максимах (аксиомах) гражданского процесса. В работе рассмотрены основные (базовые) максимы, иллюстрирующие отдельные аспекты правовой определенности гражданского судопроизводства. Среди таковых авторами выделены формальная определенность закона, доступность и справедливость судопроизводства, стабильность окончательных судебных постановлений, определенность и непротиворечивость судебного постановления, исполнимость судебного постановления, противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами. Авторы приходят к выводу, что максимы в основе своей были разработаны в праве Древнего Рима, а затем были рецепированы и восприняты правом других государств. При этом максимы стали основным минимальным стандартом правовой определенности. На современном этапе развития российского процессуального права наблюдается усиление внимания к механизмам *res judicata*, *estoppel lis pendens*, *non bis in idem* и нормативное усиление процессуальных аксиом, базирующихся на данных элементах. Аксиомы являются реально действующими, их игнорирование приводит к искажению нормального хода процесса и препятствует реализации режима правовой определенности в частности. Авторы видят целесообразность в использовании максим в качестве критериев разрешения конкуренции принципов гражданского процессуального права, в том числе принципа правовой определенности с иными. Делается обобщающий вывод о неизбежности процессуальных постулатов при трансформации гражданской процессуальной формы и режима.

Ключевые слова: гражданский процесс, правовая определенность, процессуальный режим, процессуальные аксиомы, процессуальная форма.

The Maxims of Ancient Rome as the Basis for Legal Certainty of Modern Civil Litigation

I. V. Rehtina¹, E. I. Timofeev²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²evg.igor.timofeev@gmail.com

The article discusses the basic provisions that form the basis of civil proceedings and its legal regimes, which to varying degrees reflect the legal certainty of civil proceedings. The authors reveal the signs of the regime of legal certainty, the means of which, in addition to the norms of law, may be the provisions contained in the maxims (axioms) of civil procedure. The paper considers the main maxims illustrating certain aspects of the legal certainty of civil proceedings. Among these the authors name the formal certainty of law, accessibility and equity of procedure, consistency of a final rule of court, certainty and integrity of a rule of court, its enforceability and prevention of civil procedure abusing. The authors conclude that the maxims were basically developed in the law of Ancient Rome, and then were received and accepted by the law of other states. At the same time, maxims have become the main minimum standard of legal certainty. At the present stage of development of Russian procedural law, there is an increased attention to the mechanisms of *res judicata*, *estoppel lis pendens*, *non bis in idem* and a normative strengthening of procedural axioms based on these elements. Axioms are actually valid, ignoring them leads to distortion of the normal course of the process and prevents the implementation of the regime of legal certainty in particular. The authors see the expediency in using maxims as criteria for resolving competition of the principles of civil

procedural law, including the principle of legal certainty with others. A conclusion is made about the inviolability of procedural postulates during the transformation of the civil procedural regime.

Key words: civil procedure, legal certainty, procedural regime, procedural axioms, procedural form.

Анализируя правовую определенность, модули, в которых она раскрывается, преследуя цель вычленив максимальное возможное количество аспектов, было установлено, что стандарт правовой определенности (как минимальный набор требований, обеспеченный на законодательном, правоприменительном и доктринальном уровнях) включает требования: определенность гражданского процессуального закона, стабильность окончательных судебных постановлений (правило *res judicata*), судебное разбирательство компетентным судом в разумный срок с соблюдением правил доступности, гласности, состязательности судопроизводства (справедливое разбирательство), определенность и непротиворечивость судебного постановления, противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами, исполнимость судебного постановления [Рехтина 2019: 51-54].

Комплексность института правовой определенности, направленного на побуждение участников процесса и, прежде всего, суда к наиболее полному и качественному рассмотрению дела для его окончательного и бесповоротного разрешения, позволяет относить его к правовым режимам. Режим правовой определенности направлен также и на поведение субъектов гражданского процесса при пересмотре дела в вышестоящих судебных инстанциях – судебный акт не может быть отменен или изменен при отсутствии предусмотренных законом оснований, а единственными факторами, позволяющими отступить от презумпции правильности обжалуемого судебного акта, являясь существенные нарушения, допущенные судом, которые влияют на правильность вынесенного решения.

Средствами данного режима выступают нормы, закрепляющие законную силу, непоколебимость и понятность (мотивированность и обоснованность) судебных актов, механизмы их обжалования. В то же время значение для формирования и развития режима, прежде всего, в контексте восприятия его участниками гражданских процессуальных отношений и выбора ими на основе этого определенного варианта поведения имеют доктринальные положения и исторически сформулированные постулаты [Тимофеев 2022: 314]. Последние имеют значение не только для правоприменения, но и для правотворчества.

Будучи подкрепленными конкретными примерами из судебной практики, вышеуказанные аспекты стандарта правовой определенности базируются и выводятся на основе максим (аксиом), разработанных древнеримским правом, а именно в Дигестах Юстиниана.

Научное течение о выделении аксиом права исходит из того, что правовая аксиома – это положение, многократно проверенное на практике и поэтому принимаемое без особых доказательств, в силу своей очевидности и истинности [Иванов 2009: 96].

А. А. Иванов пишет, что это «фундаментальные принципы человеческого существования, а также важнейшие установки правосознания, единственно делающие право возможным» [Иванов 2009: 97]. Из данного высказывания вытекает, что любой принцип права может стать аксиомой, если получит в процессе практического применения фундаментальный статус, а критерием такого отнесения выступает характер данного принципа: фундаментальный, общеправовой, отраслевой. Исходя из того, что перечень фундаментальных принципов является динамичным, может дополняться новыми принципами или изменяться путем исключения каких-либо принципов, такой взгляд на аксиомы права представляется в высокой степени дискуссионным.

Указывая, что многие из фундаментальных принципов были разработаны еще древнеримской юриспруденцией, но не потеряли своей актуальности, ученые к числу таких «непреложных, проверенных практикой положений», применимых в том числе и в сфере гражданского судопроизводства, относят: субъективному праву всегда соответствует юридическая обязанность; последствия деяния не могут быть определены иначе как по закону, действующему во время его совершения; не запрещенное нормами права и не противоречащее его принципам – разрешено; никто не может быть судьей в своем деле; пусть будет выслушана другая сторона; решение суда не должно затрагивать тех, кто не участвовал в деле; закон, устанавливающий ответственность или ужесточающий уже законодательно закрепленную, не имеет обратной силы и др. [Иванов 2009: 96].

Н. А. Чечина рассматривает в качестве аксиом гражданского процессуального права «такие процессуально-правовые нормы, которые выражая содержание морали общества, устанавливают правила поведения лиц, участвующих в процессе, и регулируют отношения, складывающиеся в период и в результате осуществления правосудия по гражданским делам» [Чечина 1987: 88].

Связывая содержание выраженных в гражданских процессуальных нормах аксиом с общечеловеческой моралью, в том числе и моралью различных слоев общества, ученый к ним относит следующие положения: истец должен доказать обстоятельства, на которые он ссылается (данное правило не действует при наличии доказательственных презумпций и перераспределении обязанностей по доказыванию); действие судьи, которое не входит в его компетенцию, является ничтожным (в случае подведомственности и подсудности по связи дел, применяя аналоги закона и права, судья совершает действия, прямо не входящие в его компетенцию, но впоследствии имеющие юридическую силу); суд имеет дело с доказательствами, которые перед ним; каждый иск (жалоба) ограничен пределами определенного времени (при необходимости соблюдать срок рассмотрения дела возможны случаи приостановления производства по нему); общеизвестные обстоятельства (явные истины) не подлежат доказыванию в суде; показания свидетелей оцениваются, исходя из их значения, а не количества (возможны ситуации

недопустимости средств доказывания в процессе и присутствия необходимых доказательств, когда количество имеет значение); решения суда не должны затрагивать тех, кто не участвовал в деле [Чечина 1987: 92].

Анализируя выработанные в древнеримском праве и апробированные практической юриспруденцией максимы (аксиомы), можно предположить, что стандарт правовой определенности был сформирован еще в праве Древнего Рима, получая несколько иную, специфическую интерпретацию в современных условиях. Необходимо рассмотреть основные (базовые) максимы, иллюстрирующие отдельные аспекты правовой определенности гражданского судопроизводства.

1. Формальная определенность закона выражается в стабильности правовой нормы с четкими границами ее действия: темпоральными, территориальными, по субъектному составу. Иными словами, гражданин вправе рассчитывать на стабильность условий правового регулирования, соответствующий порядок, исключение придания закону обратной силы. Государство, в свою очередь, вправе рассчитывать на добросовестность поведения гражданина [Экштайн 2004: 3-6].

Смена режима правового регулирования, принятие нового закона, вводящего новые правила, сами по себе не могут рассматриваться как исключаящие права субъектов. Правомерные ожидания граждан не могут нивелироваться новым (иным) подходом законодателя к регулированию устоявшейся группы отношений, а закон не может иметь обратной силы и распространять свое действие на предшествующий период времени [Решение ЕСПЧ 2018]. Сюда же относится и обязанность государства информировать граждан о вводимых новых режимах, средствах защиты, порядках обжалования [Постановление ЕСПЧ 2012].

Данный аспект подтверждается максимами: *lex posterior derogat priori* – позднейшим законом отменяется более ранний; *lex prospicit non respicit* – закон смотрит вперед, а не назад; *lex retro non agit* – закон не имеет обратной силы; *res est misera ubi jus est vagum et incertum* – плохо дело, когда закон неясен и неопределен; *dura lex, sed lex* – суров закон, но это закон; *non rex est lex, sed lex est rex* – не царь есть закон, но закон есть царь; *legem brevem esse oportet* – закон должен быть кратким.

2. Доступность и справедливость судопроизводства предполагает возможность обращения в судебные органы за защитой; возможность быть участником процесса; право субъекта быть информированным о разбирательстве в отношении него дела; возможность инициировать ординарный пересмотр не вступивших в законную силу судебных актов; соблюдение требований подведомственности и подсудности.

Вопросы доступности судопроизводства выступают ключевыми при определении соблюдения требований правовой определенности. Отсутствие доступности средств защиты для конкретного субъекта всегда рассматривается судебным органом как нарушающее принцип правовой определенности [Постановление ЕСПЧ 2018]. При этом учитываются не только текст закона, но и порядок, практика, контекст его применения (например, наличие административного ресурса, способного влиять на суды, возможность дискреционных вмешательств должностных лиц) [Терехова 2014: 92-95].

Справедливость судебного разбирательства компетентным судом в разумный срок с соблюдением правил доступности, гласности, состязательности основывается на группе максим: *nemo iudex in propria causa* – никто не судья в собственном деле; *iudex habere debet duos sales, salem sapientiae ne sit insipidus et salem conscientiae, ne sit diabolus* – судья должен обладать двумя свойствами: свойством мудрости, чтобы он не был глупым, и свойством совести, чтобы он не был жестоким; *expedit reipublicae ut sit finis litium* – окончание судебной тяжбы на пользу государству; *res inter alios acta aliis neque nosere, neque prodesse potest* – решение тяжбы между двумя лицами не может быть ни во вред, ни на пользу третьему лицу; *audiatur et altera pars* – следует выслушать и противную сторону (о беспристрастном рассмотрении споров); *in iudicando criminosa est celeritas* – в судебных делах поспешность преступна; *actori incumbit onus probandi* – бремя доказывания лежит на истце; *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat* – тяжесть доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает; *reus iisdem privilegiis utitur, quibus et actor* – ответчик пользуется теми же правами, что и истец.

3. Стабильность окончательных судебных постановлений означает невозможность пересмотра и отмены окончательного судебного постановления (уважение правила *res iudicata*). Данное требование включает совокупность субтребований (мини-требований):

недопустимость повторного рассмотрения однажды разрешенного судом дела (завуалированный повторный пересмотр, иное мнение суда по тем или иным вопросам, вынесение иного по содержанию решения);

допускается пересмотр «окончательного» судебного решения только в целях исправления существенной судебной ошибки, несовместимой с понятием справедливого судебного разбирательства, наличие четких критериев (оснований), дающих право преодолеть законную силу судебного решения;

пересмотр только таких окончательных решений, которые заслуживают третьего судебного разбирательства»; формирование третьей судебной инстанции как исключительной (экстраординарной); исключение дискреционных вмешательств должностных лиц в пересмотр окончательных судебных постановлений.

Обеспечивается данный аспект максимами: *ab omni iudicio provocari licet* – по всякому судебному решению можно апеллировать; *adhuc sub iudice lis est* – дело еще у судьи; дело еще не решено; *non reformatio in peius* – невозможность ухудшить положение (запрет поворота к худшему).

4. Определенность и непротиворечивость судебного постановления, которая вытекает из постулатов: *auctoritas rei iudicatae* – авторитет прецедент судебного решения; *iudicis est jus dicere non dare* – судье подобает творить суд, а не создавать право; *justitia est obtemperatio scriptis legibus* – правосудие – это повиновение писаным законам; *justitia nemini neganda est* – в правосудии нельзя отказать никому; *res iudicata pro veritate habetur* – судебное решение должно

приниматься за истину.

5. Исполнимость судебного постановления: своевременное исполнение судебного акта, «оставление коего в бездействии вело бы к прозрачности гражданских правоотношений сторон» [Афанасьев 2009: 15]. Исполнение судебного постановления в принудительном порядке должно обеспечиваться на внутригосударственном уровне, иначе теряется смысл самого права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, которое без надлежащего исполнения не достигает конечной цели, а именно защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

6. Противодействие злоупотреблениям гражданскими процессуальными правами – запрет на недобросовестное поведение участников процесса, поскольку злоупотребления правами нарушают нормальное движение экономического оборота, судебных процессов, нивелируют правовую определенность. Механизм противодействия злоупотреблениям процессуальными правами (их предупреждение, выявление, пресечение, ответственность) естественным образом включаются в стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства [Eschment 2010: 2]. Данный тезис подтверждается правоприменительной практикой [Постановление ЕСПЧ 2007].

Группа правовых максим, где используется термин добросовестность или запрет злоупотреблениями, либо таковая подразумевается, подчеркивается: *lex homines recte facere jubet, vetat delinquere* – закон приказывает поступать правильно и запрещает противоправные действия; *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться; *abusus non tollit usum* – злоупотребление не отменяет употребления; *bona fides semper praesumitur, nisi malam fidem adesse probetur* – если не доказан злой умысел, всегда предполагается добросовестность.

Максимы играют важную роль с точки зрения определения границ режима правовой определенности. Они, являясь наиболее концентрированными формулами процесса, выработанными и проверенными на протяжении долгих лет, имеют воздействие на поведение участников процесса. Аксиомы, с одной стороны, имеют значение исходных начал процесса, повышающих его эффективность (что роднит их с принципами), с другой стороны, отличаются более однозначным формулированием (что указывает на их схожесть с конкретными нормами). Последнее позволяет участникам гражданских процессуальных правоотношений воспринимать их более ясно и выстраивать свое поведение в процессе соответствующим образом.

Рассмотренные максимы побуждают участников процесса защищать нарушенные права и законные интересы в суде с активным участием заявителя и правом обжалования судебных актов, следовать закону, не допускать противоправных и недобросовестных отступлений от закона под угрозой применения конкретных правовых санкций. В конечном счете из этого складывается режим правовой определенности. Значение максим выражается в том, что они являются системообразующими постулатами для принципов и режимов, ими образованных.

Таким образом, можно сделать выводы:

- максимы были закреплены в праве Древнего Рима. Наиболее детальное их закрепление мы наблюдаем в Дигестах Юстиниана. Впоследствии максимы были рецепированы и восприняты правом других государств;
- правовая определенность базируется на данных максимах, которые раскрывают ее сущность, входящие элементы, иначе говоря, стандарт правовой определенности (минимальный набор требований);
- максимы обеспечивают режим правовой определенности. Их соблюдение и формирование на их основе нормативных, правоприменительных элементов, использование в доктрине позволяет создать эффективный механизм обеспечения правовой определенности;
- в разные исторические эпохи наблюдается усиление одних максим при одновременном нивелировании иных максим;
- на современном этапе генеалогии российского процессуального права мы наблюдаем усиление внимания к механизмам *res judicata, estoppel lis pendens, non bis in idem* и нормативное усиление процессуальных аксиом, базирующихся на данных элементах;
- полное (абсолютное) игнорирование аксиом в судопроизводстве приводит к затушевыванию правовой определенности и нарушает справедливое судебное разбирательство – базовый принцип стандарта правовой определенности. При таких условиях возникает патология судебного процесса, поскольку нормальный ход процесса невозможен без соответствующих гарантий правовой определенности;
- нельзя рассматривать роль аксиом в современном гражданском процессе исключительно как инструментария для построения красивых цитат, оформления «крылатого» эпитафия, научной ссылки на древнеримский источник права. Выработка таких постулатов – долгий эволюционный процесс апробации и формирования правил, определяющих лицо гражданского процесса на многие века вперед (современное лицо гражданского процесса). Если случается умаление каких-то максим, неизбежно происходит искривление (болезнь) процесса;
- целесообразно использовать аксиомы в качестве критериев, на основе которых решаются вопросы конкуренции принципов гражданского процессуального права, в том числе принципа правовой определенности с иными принципами: законности, диспозитивности, доступности правосудия.

Как отмечает Н. А. Власенко, проблема конкуренции принципов является малоизученной в доктрине [Власенко 2020: 46-53], что отчасти усугубляет процесс и эффективность разрешения данных коллизий между принципами на практике, так как никто не снимает с правоприменителя обязанности применить норму и разрешить спор.

По верному утверждению И. В. Решетниковой, именно практическая необходимость и объективно возникающие в деятельности судей случаи разрешения коллизии принципов [Решетникова 2013: 10-20] актуализируют вопросы разработки механизма разрешения конкуренции принципов и выработки четких правоприменительных алгоритмов и критериев в таких случаях.

Представляется, что именно аксиомы, как веками апробированные и «нерушимые постулаты», могут использоваться в качестве такого критерия, наряду с иными: целями и задачами судопроизводства [Решетникова 2013: 36-39], категорией принципа, функцией принципа;

- аксиомы могут в доктрине понятийно обозначаться терминами «максимы», «базисы», что не искажает их сущности и назначения, однако подчеркивает их особую роль, транслирует специфическую защитную функцию гражданского процесса, позволяя ему в рамках единой гражданской процессуальной формы трансформироваться и развиваться.

Литература

Eschment J. Musterprozesse vor dem Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte / Peter Lang. – 2010. – S. 2-8.

Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография. М., 2009.

Власенко Н. А. Конкуренция принципов права / Юридическая техника. – 2020. – № 4. – С. 46-53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurencsiya-printsipov-prava>.

Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2009.

Постановление ЕСПЧ от 13.03.2018 «Дело «Адиканко и Басов-Гринев (Adikanko and Basov-Grinev) против Российской Федерации» (жалобы № 2872/09 и 20454/12) / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 5.

Постановление ЕСПЧ от 13.12.2012 «Дело «Ди Соза Рибейру (De Souza Ribeiro) против Франции» (жалоба N 22689/07). URL: <https://base.garant.ru/70418768/>

Постановления ЕСПЧ от 22.10.2007 по делу «Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July) против Франции» (жалобы № 21279/02, 36448/02). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5593185/>

Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации / Российский судья. – 2019. – № 7. – С. 51-54.

Решение ЕСПЧ от 10.07.2018 по делу «Аелли и другие (Aielli and Others) против Италии» (жалобы № 27166/18 и 27167/18) / Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 1.

Решетникова И. В. Эволюция гражданского судопроизводства в России / Российская юстиция. – 2013. – №1. – С. 36-39.

Решетникова И. В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе / Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 10-20.

Терехова Л. А. Место Европейского Суда по правам человека в механизме судебной защиты гражданских прав / Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 1(38). – С. 92-95.

Тимофеев Е. И. Соотношение категорий «процессуальный режим» и «процессуальная форма» / Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования : сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 23 апреля 2022 г.). Под ред. О.В. Исаенковой ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2022.

Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права Л., 1987.

Экштайн К. Принцип веры и доверия. Принцип стабильности правовых условий, или принцип правовой определенности / Вестник публичного права. – 2004. – № 6. – С. 3-6.

References

Afanasyev, S. F. (2009). The right to a fair trial and its implementation in Russian civil proceedings: monograph. Moscow (in Russian).

Chechina, N. A. (1987). The main directions of the development of the science of Soviet civil procedural law. Leningrad (in Russian).

ECHR decision of July 10, 2018 in the case "Aielli and Others v. Italy" (Complaints No. 27166/18 and 27167/18. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. No 1.

ECHR Ruling of October 22, 2007 in the case "Lendon, Ochakovsky-Laurent and Julie (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July) v. France" (Complaints No. 21279/02, 36448/02). Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5593185/>

ECHR Ruling of December 13, 2012 "The case of "De Souza Ribeiro (De Souza Ribeiro) v. France" (complaint No. 22689/07). Available from: <https://base.garant.ru/70418768/>

ECHR Ruling of March 13, 2018 "The case of Adikanko and Basov-Grinev v. the Russian Federation" (Complaints No. 2872/09 and 20454/12). Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. No 5.

Ekstein, K. (2004). The principle of faith and trust. The principle of stability of legal conditions, or the principle of legal certainty. Bulletin of Public Law, 6, 3-6. (in Russian).

Eschment, J. (2010). Sample trials before the European Court of Human Rights. Peter Lang, 2-8.

Ivanov, A. A. (2009). Theory of State and Law. Moscow (in Russian).

-
- Rekhtina, I. V. (2019). The multidimensional nature of the category "legal certainty" in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Russian Judge*, 7, 51-54 (in Russian).
- Reshetnikova, I. V. (2013). Evolution of civil proceedings in Russia. *Russian Justice*, 1, 36-39 (in Russian).
- Reshetnikova, I. V. (2013). Competition of principles in the civil process. *Bulletin of the Civil Process*, 5, 10-20 (in Russian).
- Terekhova, L. A. (2014). The place of the European Court of Human Rights in the mechanism of judicial protection of civil rights. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*, 1(38), 92-95 (in Russian).
- Timofeev, E. I. (2022). Correlation of the categories "procedural regime" and "procedural form". *Constitutional foundations and international standards of civil procedure: history, current state and ways of improvement : collection of articles based on the materials of the XIII International Scientific and Practical Conference of Students, undergraduates and postgraduates (Saratov, April 23, 2022)*. Edited by O. V. Isaenkova ; Saratov State Law Academy. Saratov (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (2020). Competition of principles of law. *Legal technique*, 4, 46-53. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurenciya-principov-prava> (in Russian).
-

Citation:

- Рехтина И.В., Тимофеев Е.И. Максимумы Древнего Рима как основа режима правовой определенности современного гражданского процесса // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 6-11.
- Rehtina I.V., Timofeev E.I. (2024) The Maxims of Ancient Rome as the Basis for Legal Certainty of Modern Civil Litigation. *Legal Linguistics*, 31, 6-11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---